

Юрий Андропов: легенды и факты

С амому загадочному из вождей СССР 15 июня 2013-го исполнилось бы 99 лет. Мы вступаем в год столетия Юрия Владимировича — и этот рубеж несомненно станет поводом для новых споров. В этом году мы увидим немало попыток переосмысления образа Андропова. Чтобы не попасть в плен к изготовителям сенсаций, нужно вооружиться фактическим материалом, поскольку мистификаций вокруг фигуры Андропова и его деяний возникает все больше. Для одних он — символ последних надежд на счастливое советское будущее без суицидальных потрясений. Для других — разрушитель советской империи, воспитавший Горбачева.

Тайна тайн

О происхождении Андропова известно немного. В официальной биографии было указано: «Родился на станции Нагутская Ставропольского края в семье рабочего-железнодорожника». Никакой крепкой рабочей семьи не было. Отца будущего генсека, по-видимому, трудно считать полноценным пролетарием. Он учился в железнодорожном институте — то ли в Харьковском, то ли аж в Московском. Будущий лидер Советского Союза родился в первый год Мировой войны, а в год революций ему исполнилось три года. Нагутская — казачья станица; по одним сведениям, отец Андропова был казак, по другим — пришлым чужаком. Горбачев в своих мемуарах вспоминает, что Андропов знал наизусть десятки казачьих песен и пел их во время ночных посиделок у костра в Железноводске.

Следует также сказать, что после смерти отца и матери, в 1928 году, четырнадцатилетний Андропов, не желавший висеть на шее у отчима, ушел в самостоятельную жизнь. Работал грузчиком, подвизался на телеграфе, был помощником киномеханика. Затем возник план поступить в Рыбинский речной техникум. По собственному признанию, географию он тогда знал скверно и был уверен, что Рыбинск расположен недалеко от Моздока. Советская система просвещения не давала пропасть рабочим паренькам. Андропова без экзаменов приняли на судоводительское отделение. Видимо,

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений Александрович — член Союза писателей, лауреат программы «Новые имена» Российского Фонда культуры и конкурса «Интеллект XXI века», кандидат филологических наук.

Ключевые слова: история СССР, застой, Ю. В. Андропов, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, КГБ, КПСС, советская экономика, внешняя политика СССР, консерватизм, биография.

в годы учебы Андропов успел поработать матросом. Часто цитируют запавшие в память будущего вождя слова бывалого волжского боцмана: «Жизнь, Юра, — это мокрая палуба. Чтобы не поскользнуться — передвигайся не спеша. И каждый раз выбирай место, куда поставить ногу».

В Рыбинске началась и семейная жизнь Юрия Владимировича: он женился на подруге по техникуму Нине Енгальчевой. У супругов родилось двое детей — Евгения и Владимир. Тогда же молодой человек был избран на первый ответственный пост — стал комсомольским вожаком Рыбинской судовой верфи. Он уже давно всерьез заинтересовался политикой. Тем более что для молодых людей из рабочей среды к концу 1930-х годов в то время открылись широкие возможности: борьба с оппозиционерами ожесточалась, нарастала волна репрессий, кресла комсомольских и партийных функционеров освобождались, социальные лифты заработали в полную силу.

В 1937 году Андропов был избран секретарем горкома комсомола, а уже в 1938-м стал первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. Комсомольский вождь обладал магнетическим обаянием. Поэтесса Екатерина Шевелева посвятила ему стихи: «Отбросив русский вихрь со лба, / Стоит мой век, моя судьба, / Моя судьба на съезде комсомольском...» Всю жизнь она преклонялась перед Андроповым, воспевала его, сотрудничала с органами, которые Андропов возглавлял. А после его смерти на писательском съезде Шевелева патетически зачитала стихи самого Юрия Владимировича.

Путь будущего генсека к вершинам комсомольской карьеры не был гладок. В частности, предшественник Андропова сообщил, что отец его приемника будто бы служил в Белой армии, а мать происходила из купеческой семьи. Разбираться из Москвы в Ярославль была направлена инструктор ЦК комсомола Капустина. Началось следствие с командировками, допросами и очными ставками. Тогдашний второй секретарь обкома ВКП(б) Алексей Ларионов считал Андропова человеком дельным и излишнюю подозрительность укоротил. Почти полгода Андропов исполнял обязанности областного комсомольского вожака, а Москва не торопилась с утверждением его кандидатуры: одобрение пришло только в апреле 1939-го. В тот год главной заботой Андропова являлся набор молодых энтузиастов для строительства каналов и гидроузлов. Тем временем первым секретарем обкома партии был избран Н. С. Патоличев, в будущем — министр внешней торговли при Брежневе и Андропове, крупный партийный и государственный деятель.

В 1939 году досрочно, до истечения кандидатского срока, Андропов стал членом ВКП(б). Следующим местом его работы стал Петрозаводск. Среди прочего именно там в 1940-м будущий генсек встретил новую любовь — свою будущую вторую жену, Татьяну Филипповну. Молодой партиец решится на развод, не боясь возможных проблем в карьере. И действительно, последствий не было: Андропову удалось достаточно быстро добиться уважительного отношения со стороны руководителей Карело-Финской республики. Позднее в новом браке родилось еще двое детей. От первой семьи Юрий Владимирович отгородился: если и помогал — то изредка. Сын Андропова Владимир не унаследовал отцовской основательности — в юности дважды находился под судом. Пьянствовал, умер в Тирасполе в возрасте 35 лет. С отцом до конца жизни контактировал лишь эпизодически.

Выдвиженец

После финской «зимней» войны Сталин создал Карело-Финскую ССР, преобразованную из бывшей автономии в составе РСФСР. Фактическим главой республики был не партийный секретарь, а председатель Верховного Совета — Отто Вильгельмович Куусинен. Первым секретарем ЦК Компартии республики стал Геннадий Николаевич Куприянов — выходец из Ленинграда, близкий к Жданову. Андропов сначала стал комсомольским вожаком Петрозаводска, а потом и всей Карело-Финской ССР. В те годы Андропов, без отрыва от работы, поступил в местный университет, но война прервала учебу. В 1941-м немцы быстро заняли Петрозаводск. Куусинен, Андропов и их товарищи были эвакуированы в тыл. Глава республиканского комсомола стал одним из организаторов партизанского движения в Карелии, развивавшегося под общим руководством Куприянова.

Война закончилась. А партийная карьера Андропова сделала новый виток. В 1947-м он был избран вторым секретарем республиканского ЦК партии — и стал вторым человеком, после Куприянова. И тут началось «Ленинградское дело». В январе 1950-го Куприянова, выходца из Ленинграда, осудили, причем Андропов поддержал выдвинутые обвинения. Куприянов оказался в заключении. Освободился он в 1956 году, был реабилитирован и до конца жизни проработал директором музейного комплекса в городе Пушкине. А Юрий Владимирович пошел еще выше по партийной лестнице: О. Куусинен в 1950-м привлек его к работе в ЦК; вскоре он стал сотрудником престижного Международного отдела ЦК ВКП(б), а оттуда получил назначение в Будапешт. Венгерский кризис 1956 года Андропов встретил на посту чрезвычайного и полномочного посла СССР. Решения следовало принимать, ориентируясь на треугольник ЦК — КГБ — МИД, вершиной которого, разумеется, являлся ленинский ЦК.

В июле 1956-го лидера Венгерской Народной Республики М. Ракоши отстранили от власти и заклеили как диктатора. Он нашел приют в Советском Союзе. Вероятно, это было спасением от расправы. Главой партии стал соратник Ракоши, малоавторитетный Э. Гере. Однако разоблачения подорвали авторитет правящей Венгерской партии трудящихся (ВПТ), и она уже не контролировала ситуацию в стране. От требований реабилитации казненных политиков и генералов оппозиционеры быстро перешли к антикоммунистическим лозунгам. Тысячи людей вышли на улицы Будапешта. Им удалось сбросить с пьедестала и обезглавить памятник Сталину, от которого остались одни сапоги. Неформальным лидером движения оказался (во многом — волей случая) И. Надь — участник Гражданской войны в России, старый коммунист, возглавивший правительство после ухода А. Хегедюша, ставленника М. Ракоши.

Новый лидер ВПТ Янош Кадар вел напряженные переговоры с Андроповым. Ситуация накалялась. Между тем под давлением масс И. Надь распустил службу безопасности. 30—31 октября в Будапеште начались антикоммунистические погромы. Коммунистов и сотрудников органов госбезопасности вешали вверх ногами. Погиб секретарь будапештского горкома И. Мезе... Все это происходило на глазах Андропова, требовавшего от Москвы немедленного введения войск. В ночь на 1 ноября под руководством маршала И. С. Конева началась операция «Вихрь». Были захвачены аэродромы, советские

войска взяли под охрану границу с Австрией. И. Надь вызвал к себе Андропова для объяснений. Советского посла могли и арестовать, и расстрелять. Но надо отдать ему должное — он сохранил выдержку. На вопросы И. Нады отвечал уклончиво. Принял ноту протеста.

И. Надь заявил о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора и обратился в ООН с просьбой о помощи и защите. Однако Андропову удалось наладить надежные отношения с Яношем Кадаром. Кадар и его сторонники прибыли в Сольнок, в штаб Конева, оттуда слетали в Москву, на заседание Политбюро, и вернулись в Венгрию в качестве нового «рабоче-крестьянского венгерского правительства». Это правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи против «черных сил реакции». 2 ноября, после бессонной ночи, небритый Андропов вновь явился к И. Надю. Но судьба Венгрии была уже решена. В ночь на 4 ноября Конев отдал приказ о наступлении на Будапешт. Начались уличные бои. К 11 ноября сопротивление было сломлено по всей Венгрии. Андропов оставался послом до марта 1957-го, помогал Кадару окончательно брать власть в свои руки. Работу оценили высоко: и министр иностранных дел Шепилов, и Суслов, и сам Хрущев — все были довольны Андроповым.

Обретя большой авторитет в руководстве, Юрий Владимирович вернулся на работу в ЦК, где стал заведовать Отделом по связям с коммунистическими партиями социалистического мира. Среди прочего при его участии было принято решение о возведении Берлинской стены в 1961 году. А в 1962-м он был избран секретарем ЦК партии. В сформированном им аппарате начали трудиться «аристократы духа» (так иронически называл их Андропов) — консультанты из научной и журналистской среды. В разные годы в этот круг входили А. Бовин, О. Богомолов, Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов, Г. Шахназаров.

Все они сохранили об Андропове добрые, а иногда и восторженные, воспоминания. Что и говорить, он любил «интеллектуальную политическую работу», любил и умел анализировать вопросы агитации и пропаганды. Почти все консультанты Андропова были сторонниками десталинизации; исходя из этого, велико искушение зачислить и его самого в ряды демократизаторов, предшественников перестройки. Думаю, однако, что Андропов — политик сталинской школы — не мыслил «шестидесятническими» штампами. Убежденный диалектик, он любил сложные политические пасьянсы, считал их полезными и для личной карьеры, и для развития страны.

Своих словоохотливых советников он то привечал, то вводил в ступор «змеиным взглядом», но никогда не впадал в зависимость от них. Об отношении Андропова к Сталину точнее других сказал Владимир Крючков, сблизившийся с Юрием Владимировичем еще в Будапеште, в 1956-м: «Относительно Сталина Андропов твердо придерживался мнения, что обязательно настанет день, когда имя Сталина будет достойно отмечено всеми народами мира. При этом не игнорировал и совершенные ошибки. Но в отличие от Хрущева преступником Сталина не называл».

На посту секретаря ЦК Андропов считал полезной идеологическую борьбу с Мао и Энвером Ходжой. Что он будет считать полезным позже — об этом ведала только диалектика... С осени 1964-го Андропов сблизился с новой властной элитой. Он не был коротко знаком ни с Косыгиным, ни с Брежневым. Тем не менее в конечном итоге ему удалось войти в окружение

последнего и заслужить доверие генсека. Главной кадровой проблемой для Леонида Ильича в те годы была так называемая «группировка Шелепина». Волевой, амбициозный, влиятельный член Политбюро Александр Шелепин в перспективе мог набрать силу, мог претендовать на лидерство в партии. Его опорой был старый товарищ по работе в ВЛКСМ, руководитель КГБ В. Семичастный. В 1967-м нашелся формальный повод для отставки Семичастного — выезд из страны Надежды Аллилуевой. В мае 1967 года, пока Шелепину «очень своевременно» вырезали аппендицит, Брежнев освободил Семичастного от работы.

Лубянка

Тут-то и пригодился Юрий Владимирович. Андропов долго работал в ЦК, занимался международными делами — и вдруг его перебросили в КГБ! Это случилось в 1967 году. Брежнев окружил его «своими людьми»: заместителями нового председателя КГБ стали лично преданные генсеку генералы Цвигун и Цынев, а управление кадров возглавил днепропетровец Чебриков. Эти назначения воспринимались как ограничение возможностей Андропова, но Брежнев подал новому председателю КГБ и знак доверия: Андропова избрали кандидатом в члены Политбюро. Вскоре и сам Юрий Владимирович стал «человеком Брежнева», вошел в доверие к стареющему генсеку.

Чекисты традиционно высоко оценивают управленческие способности Андропова. По их мнению, он обладал стратегическим умом и небезуспешно создавал современную спецслужбу. Именно при нем была построена резиденция Первого Главного управления в Ясенево. Андропов любил свой ясеновский кабинет, в котором, как правило, проводил не менее одного рабочего дня в неделю. По предложению Андропова было организовано новое — Пятое Главное управление КГБ, то есть контрразведка «по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны». Именно это управление занялось разнообразными диссидентами — и в частности Сахаровым и Солженицыным. Способы борьбы с идеологическими противниками были разнообразны: аресты, принудительное лечение, перевербовка, выдворение из СССР.

Андропову удалось создать негативное впечатление о диссидентах у абсолютного большинства населения страны. Они не оказывали заметного влияния на общественное мнение. Джинсы, «Биттлз» и порнография расшатывали советскую идеологию куда эффективнее всех Галанских и Подрабинеков, Емельяновых и Марченко... Труднее было объяснить обществу, почему перестают быть советскими гражданами увенчанные регалиями музыканты и мастера балета — такие, как Галина Вишневская и Мстислав Ростропович или Михаил Барышников. Впрочем, объяснение «погнались за длинным долларом» сохраняло весомость со времен Шалыпина. Андропов знал толк в агитации и пропаганде: чего стоит один только сериал «Семнадцать мгновений весны», показавший благородное лицо Лубянки!

Судя по воспоминаниям знавших его людей, Юрий Владимирович бывал разным, но в любом случае — бюрократической выхолощенности в нем не было. Он умел и держаться сугубо официально, и легко становиться раскованным и доступным. Неизменными оставались только очки: проблемы

со зрением преследовали Андропова начиная с юности. Виртуозно дирижировал «мозговыми штурмами» на совещаниях, называл это — «погонять мысли». В 1976 году статус Комитета изменился: вместо КГБ при Совете Министров СССР возник КГБ СССР. Андропов получает звание генерала армии. К этому времени тройка «Андропов — Громыко — Устинов» стала основной опорой Брежнева в Политбюро: отныне она решала едва ли не все. Однако к началу 1980-х настало время думать о постбрежневских перспективах. И Андропов (к тому времени уже тяжело больной человек) выиграл схватку за брежневское наследство. Ему удалось на белом коне вернуться в партийные органы.

В этой борьбе у Андропова было два козыря: борьба с коррупцией, «завинчивание гаек», в которой КГБ участвовал, подчас вступая в конфронтацию не только с МВД, но и с республиканскими ЦК. Народная молва приписывала именно Андропову роль инициатора антикоррупционных дел. Председатель КГБ СССР обрел популярность, с которой вынуждены были считаться в ЦК партии. Второй козырь — ставка на смену поколений в Политбюро, сложная подковерная борьба, в которой хладнокровный аналитик Андропов явно превосходил своих товарищей. 25 января 1982 года умер Суслов — неофициально признанный второй человек в ЦК КПСС. Роль секретаря ЦК по идеологии взял на себя Черненко, но через полтора месяца и он тяжело заболел. 22 апреля, в день рождения Ленина, доклад от имени ЦК читал Андропов, а Черненко вообще отсутствовал. Тройка (Андропов — Громыко — Устинов) выдвинула своего кандидата на место второго человека в партии — Андропова. Избрание генсеком после смерти Брежнева было делом техники.

Лидер СССР

На новом посту Андропов быстро принялся набирать очки. Он отменил славословия генсеку и продемонстрировал суровый деловой стиль, которого ждали в обществе. Коньком стало укрепление дисциплины и работа над новой стратегией развития. Тогда же Андропов смело заявил: «Мы не знаем страны, в которой живем».

Еще до смерти Брежнева готовилась рокировка: увольнение Кириленко (болезнь сделала его нетрудоспособным) и выдвижение Алиева. Кириленко был секретарем ЦК, занимался проблемами промышленности. Алиев стал первым заместителем Председателя Совета Министров. Гейдар Алиевич Алиев, выходец из КГБ, более десяти лет руководил ЦК Компартии Азербайджана. Он был талантливым, неутомимым управленцем и умел артистически себя преподнести — чем отличался от неулыбчивых трудяг косыгинского поколения. Азербайджанское происхождение ослабляло позиции Алиева в борьбе за кресло генерального секретаря, но возглавить Совет Министров СССР Гейдар Алиевич вполне мог.

Впрочем, Андропову был не по душе культ личности Брежнева. Уже через месяц после смерти четырежды Героя, на торжественном заседании, посвященном 60-летию Октября, новый Генеральный секретарь в своей речи ни разу не упомянул своего предшественника. Славословия Брежневу теперь воспринимались как нечто неуместное, мешающее деловитой модернизации. А Алиев, как назло, запомнился людям именно своими пышными

встречами Брежнева в Баку, что несомненно ослабляло позиции бывшего (и будущего) лидера Азербайджана. Третье заметное назначение первых андроповских месяцев касалось не Политбюро, а Секретариата ЦК. Секретарем ЦК по экономике был назначен опытный производственник, с недавних пор работавший в Госплане, — Н. И. Рыжков.

Андропов хорошо знал болевые точки общества. В последние годы правления Брежнева продолжалось повышение уровня жизни, стали доступнее отдельные жилье, садоводческие участки, туризм, бытовая техника... В 1982-м советский человек по ключевым показателям жил лучше, чем в 1972-м. Но картину омрачала проблема дефицита. Андропов связывал ее не только с недоработками Госплана, но и с ротозейством, жульничеством, пьянством... Он понимал, что борьба с этими пороками встретит одобрение многомиллионных масс. Многие ожидали «завинчивания гаек». И новый генсек действовал продуманно — в соответствии с принципами диалектики. По сравнению с реформами Горбачева и Ельцина его тактика выглядит комбинациями гроссмейстера.

С пьянством на производстве боролись, а водку сделали дешевле аж на 60 копеек. Пол-литровка эконом-класса в последние годы правления Брежнева стоила 5 рублей 30 копеек — и неизменно дорожала, что нагоняло тоску на широкие народные массы. При Андропове появилась водка за 4 рубля 70 копеек, и ее тут же окрестили «андроповкой». О дисциплине Андропов говорил в разных аудиториях. Например, в цеху Московского станкостроительного завода им. Орджоникидзе. Рабочим он не обещал быстрого улучшения жизни, но гарантировал, что от укрепления дисциплины и порядка выиграют все. И эти слова нравились. Андропов был популярен. Облавы в магазинах, кинотеатрах и банях в рабочее время запомнились многим.

Старинное правило русских царей: хочешь народной любви — казни взяточников-вельмож и мироедов-купцов. Дань этой традиции отдал и Андропов. С должности министра внутренних дел был снят Н. А. Щелоков, не выдержавший обвинений и покончивший с собой. Был арестован директор Елисеевского гастронома Соколов (через полтора года допросов и судебных заседаний его приговорили к расстрелу). Застрелился директор гастронома на Смоленской Нониев. Был посажен в тюрьму начальник Главторга Мосгорисполкома Трегубов. Полетели головы сотен работников торговли. От этих уголовных дел в дрожь бросило все московское руководство. Тучи стужались над руководителем Узбекской ССР Шарафом Рашидовым и другими руководителями среднеазиатских республик, которых народ считал

восточными баями с партбилетами. Эти новости добавляли Андропову популярности. Как, впрочем, и слухи о жестокой борьбе с «вещизмом» в среде партийной элиты.

А что же внешняя политика? К 1983 году мир забыл о разрядке. «Холодная война» перешла в стадию очередного обострения. Рейган не стеснялся открыто антисоветской риторики, демонстрировал мускулы. Советская армия сражалась в Афганистане, кроме того, СССР «подавлял» стратегического противника в Латинской Америке: Никарагуа, Сальвадор, Гондурас... Военное сотрудничество с Кубой активизировалось. Пропагандистский образ СССР в США выглядел карикатурно. Советские агитаторы пытались отвечать той же монетой: журналисты-международники клеймили Рейгана от зари и до зари.

В июле 1983-го Андропов принимал в Кремле канцлера ФРГ Г. Коля и министра иностранных дел Г.-Д. Геншера. Главный вопрос из числа обсуждавшихся собеседниками касался размещения в Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2». Андропов был тверд, обещая адекватный (и вовсе не асимметричный) советский ответ. Следует напомнить, что «першинги» и крылатые ракеты считались сильным ответом США на размещение в европейской части СССР ракет средней дальности СС-20, каждая из которых имела по три боеголовки. Они должны были заменить устаревшие СС-4 и СС-5; всего замене подлежали 600 ракет. На Западе эти действия расценили как прямую угрозу; тогда Брежнев объявил мораторий на установку новых ракет. Но западные союзники США настаивали на своем, несмотря на подъем протестных пацифистских движений. И в ответ на начавшееся в 1983 году размещение «першингов» Андропов выдвинул ближе к берегам США атомные подводные лодки. Началась подготовка к размещению термоядерных ракет на Чукотке, откуда они за 7—8 минут могли достигнуть территории США.

Взаимное недоверие достигло предела. В любой момент оно могло разрешиться трагедией. Так и произошло. В первую ночь осени 1983 года над Японским морем советские истребители ПВО по ошибке подбили «Боинг-747» — южнокорейский гражданский авиалайнер, потерявший ориентацию и оказавшийся в воздушном пространстве СССР. «Боинг» летел к Сахалину, где располагались военные базы. В небе его встречали три истребителя-перехватчика Су-15 и один Миг-23. Ничто не указывало, что перед ними гражданский самолет. Иллюминаторы не светились: то ли свет был выключен, то ли окна зашторены. Летчик Осипович с Су-15 после предупредительных выстрелов, на которые «Боинг» не отреагировал, выпустил две ракеты. Пораженный самолет начал резко снижаться. Погибло 269 человек — все, кто находился на борту. В их числе — 60 американцев, включая конгрессмена Ларри Макдональда.

Вечером 1 сентября на заседании Политбюро было принято решение скрыть факт уничтожения самолета. Андропов отсутствовал в Кремле: он находился в больнице. На следующий день, на другом заседании, посвященном тому же вопросу, выступил Тихонов, предлагавший четко изложить факты, возложив (по логике и справедливости!) ответственность на японскую сторону. Но Громыко, Устинов и Черненко склонялись к тому, что публиковать нужно уклончивую версию событий. В сообщении ТАСС от 3 сентября не говорилось, что самолет был сбит. ТАСС утверждало, что нарушитель «исчез

с экранов радаров». Но у противника были достаточно точные разведданные о переговорах наших военных от 1 сентября. Пришлось признать свершившийся факт.

Первоначальная заминка ослабила наши позиции в пропагандистской войне. Исправить положение был призван маршал Н. В. Огарков, начальник Генерального штаба, наиболее активно выступавший на пресс-конференции 9 сентября. Обстоятельно изложив суть эпизода, он задал присутствующим вопрос: почему американские самолеты-разведчики, находившиеся поблизости, не исправили курс «Боинга»? Самолет пролетал над советской военной базой и передавал кодированные сигналы. Где гарантия, что он не передавал разведывательную информацию? На контакт с советскими военными он не шел. Огарков сожалел о гибели ни в чем не повинных людей, но заявил, что «извиняться и нести ответственность, и не только финансовую, должны именно те, кто послал самолет на гибель».

Андропов подаст голос только в начале октября — в заявлении о сахалинском инциденте и пропагандистской кампании, развернутой США. Выдержав паузу, он показал, что разговаривать с Советским Союзом с позиций крикливых придирок бессмысленно, поддержал действия военных и предупредил, что Советский Союз и впредь будет жестко реагировать на провокации западных спецслужб. Позднее содержание «черных ящиков» самолета, обнаруженных советскими моряками, показало, что «Боинг» поддерживал связь с другим южнокорейским самолетом, и его экипаж не мог не знать, что вторгается на территорию СССР. В конечном итоге летом 1993 года Международная организация гражданской авиации (ИКАО) объявила, что снимает с Советского Союза (и России как его правопреемницы) обвинения, выдвинутые администрацией Рейгана. Вину возложили на халатность корейских пилотов, пренебрегших своими обязанностями, — такой вывод был сделан и судом США, состоявшимся в 1988 году.

Следует упомянуть, что за пять лет до сахалинской трагедии, 20 апреля 1978 года над советской территорией, в Карелии, уже был сбит южнокорейский «Боинг». И тогда нарушителя поразил перехватчик Су-15. Только жертв в 1978 году было меньше — два человека. Остальные приземлились на лед замерзшего озера Корпьярви. И риторический вопрос: как бы использовало ЦРУ да и американская пропаганда ситуацию с «Боингом», если бы ему позволили летать над советской территорией?

От Андропова, от Громыко, от генштаба в 1983 году веяло ледяным холодом. Противник ненавидел их, проклинал — но признавал за великую силу. Стилистически Андропов противопоставил бешеной инквизиторской риторике религиозного фанатика Рейгана интонацию расчетливого технократа. «Тайм» признал Андропова (наряду с Рейганом) человеком 1983 года. В специальной статье подчеркивалось, что влияние советского руководителя на мировую политику капитальнее и долговременнее рейгановского. «Он обладает репутацией наиболее информированного и умного советского руководителя со времен Ленина. Западные дипломаты, посещавшие в начальный период его пребывания у власти, были поражены его способностью оперировать фактами и саркастическим юмором. А французский министр иностранных дел, встречавшийся с Андроповым, нашел его лишенным странности и человеческого тепла, которые столь часто проявляют русские... Андропов, по оценке Ричарда Никсона, может быть большим

и опасным противником, чем любой из последних советских руководителей, но также и самым лучшим руководителем, с которым США могут развивать отношения по принципу — живи и дай жить другим».

Итоги первого и последнего полного года андроповского правления пришлось подводить одновременно с итогами жизни. Андропов тяжело болел, и ему уже не суждено было покинуть больничную палату. Но в прессе говорилось лишь о «простудном заболевании»; тем не менее советские люди хорошо знали, что отсутствие вождя на трибуне Мавзолея 7 ноября 1983 года — знак серьезной беды. Заседания Политбюро и Секретариата ЦК вел Черненко.

СССР в 1983 году произвел промышленной продукции на 4 процента больше, чем в 1982-м. Производительность труда возросла на 3,5 процента. Увеличились перевозки грузов, повысилась эффективность использования транспорта. Объем продукции сельского хозяйства вырос еще больше — на 5 процентов. Впервые мы получили 16 миллионов тонн мяса (15 миллионов тонн считались отличным показателем). На 13 процентов увеличилось производство животного масла, на 5 процентов — молочной продукции. Товарооборот вырос на 8 миллиардов рублей. Столь же значительно возросли частные вклады в сберкассах. Хозяйки оценили улучшение в снабжении: мясо, масло и колбасы появились на прилавках. В горбачевские годы в очередях каждому из нас доводилось слышать ностальгические воспоминания об Андропове, который «навел порядок», при котором «все было».

Художественные вкусы Андропова не обнаруживают скрытого либерализма. В интервью «Шпигелю», которое Андропов дал в начале 1983 года, любимым современным композитором он назвал Георгия Свиридова, из классиков выделил Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева. Сергей Семанов разоблачительно заметил, что читал «Свидание с Бонапартом» Булата Окуджавы, указав то ли на тайное диссидентство, то ли на жидома-сонство Андропова. Но в больнице, в последние месяцы, Андропов читал и Достоевского, и Льва Толстого, и Салтыкова-Щедрина. Он изучал всех, приветал лояльных, а шалунов, принципиальных вольнодумцев — будь то западники или русофилы, — отсекал. Да, в бытность председателем КГБ он уважительно общался с Евгением Евтушенко — ярким антисталинистом. Но в 1983 году неожиданно приветил не слишком популярного поэта Феликса Чуева, который был известен дружбой с Молотовым и воспеванием Сталина (кстати, сын Андропова издал в те годы умеренно просталинскую книгу о дипломатии времен войны). Из писателей он принимал с беседами Георгия Маркова и Александра Чаковского — предсказуемых апологетов власти.

Никаких поблажек «левой интеллигенции» (так называли советских вольнодумцев, которые, при их любви к частной собственности, скорее были «правыми») 1983 год не принес. В Театре на Таганке был запрещен «Борис Годунов», в Театре Сатиры — «Самоубийца». Георгия Арбатова, написавшего генсеку аналитическую записку, в которой рекомендовал дать больше свободы интеллигенции (речь шла, надо думать, об интеллигенции западной), Андропов одернул: «Ваши подобные записки помощи мне не оказывают. Они бесфактурны, нервозны и, что самое главное, не позволяют делать правильных практических выводов». Андропов давал творческой интеллигенции возможность критиковать бесхозяйственность, преступность,

коррупцию (как, например, в телефильмах «Взятка» и «Петля»), но сначала требовал твердых гарантий лояльности. Он намеревался «заказывать музыку» и вовсе не планировал «становиться душкой» в глазах интеллигенции. Когда премьер-министр Канады Трюдо стал хлопотать за посаженного Анатолия-Натана Щаранского, Андропов не миндальничал: «Ответьте канадцу так, жестко. Нам нет необходимости доказывать свою гуманность, господин премьер-министр. Она заключена в самой природе нашего общества». Щаранский остался в заключении. Зато непреклонный советский ястреб Николай Яковлев переиздал свою книгу «ЦРУ против СССР», дополнив ее новейшими разоблачениями Сахарова и Боннэр.

Курс Андропова был вариантом неосталинизма, сообразным ситуации 1983 года. Главное достоинство — умение повысить авторитет власти в обществе. Позднему Брежневу этого ох, как не хватало! Андропов все-таки был мастером популизма и пропаганды — и при этом сохранял внешнюю сдержанность, чурался эксцентрических приемов.

Предтеча «перестройки»?

Ну а теперь коснемся наиболее болезненной темы. Был ли Андропов идеологом горбачевской перестройки? Разумеется, нет! С андроповской доктриной развития связана политика первых полутора лет правления Горбачева — так называемое «Ускорение». И работал Горбачев в те полтора года в связке с Лигачевым и Рыжковым. Чем дальше Горбачев отступал от планов Андропова — тем дальше от него оставались Лигачев, Рыжков, Воротников... Уже в 1987-м их причисляли к стану консерваторов, противников «перестройки». Так оно и было.

Никакой особой любви у Андропова к Горбачеву не было. Все это — миф, поддержанный самим Михаилом Сергеевичем, который цеплялся за популярность своего предшественника. На самом деле в конце 1970-х годов Горбачев выступал скорее как протеже Суслова, чем председателя КГБ, который не вмешивался в кадровую политику ЦК КПСС. При этом, разумеется, Андропов присматривался к самому молодому члену Политбюро. Все понимали, что стране и партии предстоит смена поколений на капитанских мостиках. Горбачев нравился многим: энергичный, говорливый, невороватый, уважительный. Только два старых производственника — Косыгин и Тихонов — сразу разгадали краснобая.

Но обратим внимание: за первые полгода пребывания на посту генсека Андропов создал Горбачеву — самому молодому из влиятельных политиков СССР — не зеленую улицу, а конкурентную среду. Взлетел в Политбюро Воротников. Набрал силу секретарь ЦК Лигачев. Приблизился к правящему ареопагу Рыжков. Не слабели позиции потенциальных конкурентов Горбачева — Романова, Алиева, Долгих. А потом Андропов заболел. Ему не хватило времени, чтобы еще кардинальнее омолодить ЦК и Совет Министров. Доведи он эту операцию до конца, и путь Горбачева к власти был бы затруднен. Показательно, что самые последовательные оппоненты Горбачева в ЦК (Лигачев, Воротников) сохранили восторженное отношение к Андропову.

За политический курс, который Андропов проводил в последние годы, его нередко упрекали по двум направлениям: как предателя, готовившего гибельную для СССР горбачевскую «перестройку», и как властолюбца, ша-

гавшего по трупам к должности генерального секретаря. Первое обвинение, на мой взгляд, следует отвести по причинам, надеюсь, вполне очевидным. Что касается второго... Безусловно, Андропов относится к тому типу политиков, которые считают себя лидерами по определению и верят в собственное интеллектуальное превосходство над коллегами. В борьбе за власть он мог использовать возможности спецслужб, и вряд ли его остановили бы моральные категории. А потому загадочные смерти, самоубийства и автокатастрофы позднесталинского времени — от Машерова до Цвигуна — придется взять на заметку.

Тяжелая болезнь спутала Андропову все карты, уничтожила прилежно продуманные планы, разметало тонкие расчеты. А в стихах, написанных ослабевшей рукой после сложной операции, Андропов хохотал, издевался над бедой:

Лежу в больнице. Весь измучен,
Минутой каждой дорожа.
Да, понимаешь вещи лучше,
Коль ж... сядешь на ежа.

Человек года, правитель сверхдержавы умер, не дожив до 70 лет, не оставив преемника. Но в очередях горбачевского времени его долго поминали добрым словом. Зато сегодня вспоминают то как пугало, то как несостоявшуюся здравую альтернативу суицидальным реформам. ◆